

3. Гавкин И. И. Краткий словарь иностранных слов. 60-е изд. СПб., К., Харьков, 1912.
4. Газета «Санкт-Петербургские ведомости». СПб., 1807–1808.
5. Гончаров И. А. Фрегат «Паллада». Очерки путешествия: в 2 т. / комм. К. И. Тюнькина. М.: Правда, 1985.
6. Мамонтов А. С. *Вглядываясь в себя...: лирика*. М.: Продюсерский центр Александра Гриценко, 2012. 179 с.
7. Островский А. Н. Бешеные деньги // Островский А. Н. Избранные пьесы. М.: Худ. лит., 1972. Т. 2. С. 5–86.
8. Пушкин А. С. Каменный гость // Пушкин А. С. Сочинения: в 3 т. М.: Худ. лит., 1986. Т. 2. С. 450–478.
9. Тургенев И. С. Вешние воды // Тургенев И. С. Повести. М.: Худ. лит., 1976. С. 361–495.
10. Этимологический словарь русского языка / под рук. и ред. Н. М. Шанского. Издательство Московского ун-та, 1982. Вып. 8. 470 с.

Е. В. Купчик

Петербург в поэзии А. М. Городницкого: метафорические модели

В статье рассматриваются метафорические модели, отражающие характеристики Санкт-Петербурга в стихотворных текстах известного русского поэта А. М. Городницкого. Анализируются реализации метафорических моделей, посредством которых автор создает образное представление о Петербурге как человеке, корабле, особом пространстве, произведении изобразительного искусства.

Ключевые слова: Петербург, А. Городницкий, метафорическая модель, поэтический текст.

Elena Kupchik

Petersburg in the Poetry of A. M. Gorodnitsky: Metaphorical Models

In this article are considered metaphorical models reflecting the characteristics of St. Petersburg in the poetic texts of the famous Russian poet A.M. Gorodnitsky. The article analyzes the implementation of metaphorical models by which the author creates an image of St. Petersburg as a man, a ship, a special space and work of fine art.

Key words: Petersburg, A. Gorodnitsky, metaphorical model, poetical text.

Творчество Александра Городницкого, одного из основоположников авторской песни, поэта, писателя, ученого, многоаспектно и ярко отражает поэтические размышления автора о мире и человеке, о пространстве и времени, о судьбах России и мира, о языке, истории и культуре.

В многообразии тем, интересующих автора на протяжении многих лет, особое место занимает родной город поэта. В заглавиях стихов разных лет звучат имя города («Старый Питер», «Питер», «Петербург», «Память о Питере», «Прощание с Питером» и др.), названия его районов, улиц, пло-

щадей, рек, каналов, зданий, сооружений («На Петроградской», «Невский проспект», «Дворец Трезини», «Горный институт», «Мариинский театр», «Александровский парк», «Дамба», «Памятник Петру Первому» и др.).

Образ Петербурга, отраженный в поэтических текстах А. М. Городницкого разных периодов творчества [1; 2], находит воплощение в реализациях метафорических моделей, фиксирующих образные ассоциации города с объектами материального и нематериального мира. Метафорические модели (далее ММ) понимаются современными исследователями (Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, А. Н. Барановым и Ю.Н. Карауловым и др.) как определенные схемы ментального плана, лежащие в основе концептуализации объектов мира. Как отмечает Е. А. Юрина, «метафорическую модель можно сравнить со скелетом метафорического образа, а типовое образное представление – с его языковой плотью, облекающей обобщенную схему...в наглядные, наполненные образным смыслом содержательные структуры» [7, с. 31].

В качестве субъектов образных сопоставлений в текстах А. М. Городницкого выступают как город в целом, так и отдельные городские реалии: улицы, здания, реки и каналы, памятники и т. д. Большинство реализаций ММ Петербурга может быть сгруппировано следующим образом: Петербург – человек; Петербург корабль; Петербург – пространство; Петербург – произведение изобразительного искусства.

В предисловии к «Словарю поэтических образов» Н. В. Павлович, определяя порядок следования моделей (автор использует термин парадигма образа) указывает, что парадигма *X* – *существо* «идет всегда первой потому, что отождествление с живым существом является самым частым в русском поэтическом языке и имеет место почти для всех понятий» [5, с. 23]. Применительно к Петербургу это вполне справедливо: город одушевлен, представлен в действиях и состояниях живого существа: например, засыпает, выпускает вздох, голодает, стареет и др. Но значительно чаще он очеловечен автором, ММ «Петербург – человек» представляется ведущей.

Реализации ММ характеризуют город в плане его внешнего облика («Облачен в гранитные одежды»), настроения (испытывает чувство тоски, плачет, является хмурым), судьбы («Пострадавший от тупых вождей, выдержавший голод и блокаду, пережил он тьму очередей» и т.д.). Аналогии с телом человека прослеживаются в указаниях на части тела и органы: город имеет лицо («лик»), рот («не хрипит Ленинград пересохшим от голода ртом») сердце, кровеносную систему, может быть больным, раненым. Неоднократно обращаясь к теме трудной судьбы родного города, А. Городницкий отмечает стойкость, духовную силу Петербурга, что проявляется в его уподоблении непокоренному человеку, например: «...Тот город, что не встанет на колени, Предпочитая умереть в бою».

Представление о Петербурге как родном для лирического героя (автора) человеку формируется за счет реализаций частных ММ «Петербург – родитель» и «Петербург–дом». Выражение отношения к своему городу

лишено пафосности, оказываясь скорее обывовленным, но в то же время необходимым. Фасад Петровского дворца в стихотворении «Родина» называется «привычным, как лицо отца», мосты, памятники, музеи и др. – предметами «каждодневного быта», частью домашней обстановки, без которых «прожить немисливо и час». В петербургских дворах-колодцах видятся своеобразные зеркала, в которые вглядывается герой, «Чтобы увидеть собственное детство – Былое отражение свое». Такое представление о Петербурге отражается в текстах разных периодов творчества – например, в «Слове о Питере» написанном спустя почти сорок лет после «Родины»: «Что могу я сказать о родном моем Питере? Не пристало в любви объясняться родителям, С кем с момента рождения жили обыденно, Без которых и жизни бы не было, видимо».

ММ «город – организм человека» получает развернутую реализацию в стихотворении «Когда я в разлуке про Питер родной вспоминаю...», написанном в 1991 году и отражающем состояние Петербурга того времени. Город представлен неизлечимо больным: «Все время мне кажется область его островная Похожей на сердце, которое гложет инфаркт. Еще под крестом Александровым благословенным, Как швы, острова ненадежные держат мосты, Еще помогают проток истлевающим венам Гранитных каналов пульсирующие шунты... Исходит на нет кровеносная эта система, Изъедено сердце стальными червями метро». Одушевлены и отдельные петербургские реалии: например, мосты распрямляют спины, а набережные Невы, относимые обычно к сфере одежды города, оказываются также частью тела: «Челюсти из финского гранита Сжаты над свинцовой водой».

Постоянным на всем протяжении творческого пути поэта является образ Петербурга – корабля. Соответствующая ММ, воплощающая один из ключевых образов поэзии А. М. Городницкого, реализуется как в основном виде – с объектной частью «корабль» или «кораблик», так и посредством частных ММ. В качестве составляющих данного образа автор использует реалии городского пространства: шпили и колонны поэтически осмысляются как мачты, окна домов – как люки и т.д.

Сопоставление с судном неоднократно используется в стихотворениях, посвященных судьбе города. В «Петербурге» представлено развернутое описание погружения города-корабля в воду. В. Н. Топоров, анализируя петербургскую эсхатологию, отмечает, что в данном стихотворении отражен самый последний вариант гибели города в воде [6, с. 104]. На фоне литературных текстов разных времен, отражающих эсхатологические мифы о гибели Петербурга под натиском водной стихии, описание А.М. Городницкого выделяется как обстоятельствами этой гибели, так и образом самого города. Петербург не представлен жертвой бурного наводнения: он гибнет практически незаметно, погружаясь в болотистую землю «Неизменно и медленно – за год на полсантиметра», и это не миф, а взгляд ученого – геолога и океанолога. Такое погружение влечет за собой искажение пространственных координат: город лишается вертикального измерения,

тяжелые тучи практически вдавливают его в почву: болотная вода «глохнет дерево свай», также способствуя погружению города «в бездонные финские топи», в результате чего возникает новое пространство – водное: «На волне закачается адмиралтейский кораблик, Петропавловский ангел крылом запылится, как утка». Вместе с тем образ уходящего в бездну города предстает возвышенным: это не спустивший флаг корабль, который «уходит в пучину без залпов прощальных и стонов, Чуть заметно кренясь у Подъяческих средних и малых, Где водой захлебнулись распахнутые, как кингстоны, Потаенные окна сырых петербургских подвалов». В «Опять разворочены мостовые...» городу угрожает вода не реальная, а «метафорическая» – ожидаемые бедствия, которые город-корабль встречает достойно: «Все ближе соленый клубящийся мрак. Восторг и отчаянье те же, что в детстве: Врагу не сдастся наш гордый «Варяг»!». В обоих текстах, написанных примерно в одно и то же время (1991–1992), отражена возможность спасения Петербурга-корабля: в первом случае – святым покровителем города, во втором – музыкой, объединяющей людей: «И все же, покуда оркестр играет, Надежда живет и корабль плывет».

ММ с объектной зоной «корабль» последовательно реализуются в характеристике отдельных составляющих города, например: «Будут плыть кварталы, как корабли, отражая огни в реке». В «Новой Голландии» при описании батальной сцены и последующего мирного времени используется развернутый, детализированный образ «эскадры ленинградских островов», включающей «корабли» разного вида, назначения и облика, например: «Сражаются линкоры. Путь на запад Кронштадт, как флагман, указывает им»; «Вот, разбивая лед форштевнем острым, Победой морскими знаменит, Васильевский огнем грохочет остров И трубами неистово дымит» и др.

Несмотря на перенесенные испытания, жизнь города корабля продолжается, что передано образами плывущего корабля: «Плывет наш кораблик пузатый, Попутный поймал ветерок»; «И держит путь сквозь лето и сквозь осень... Голландия, российский миноносец В кильватере военных кораблей. Высокими бортами пламенея, Идет она, волне подставив лаг...».

На всем протяжении творчества А. М. Городницкого кораблям уподобляются строения, дома, прежде всего связанные с его жизнью – начиная с детства и юности: например, школа («И здание школы, как судно, кренилось Под яростным криком стремительной чайки») и Горный институт, студенты которого ощущали себя как «Воронихинских портиков временный экипаж». Уподобление дома кораблю зачастую основано на ощущении его движения в пространстве (дом качается, кренится, меняет курс), издаваемых звуков («И пол скрипел, как палуба на судне»). В состоянии покоя дома подобны судам «на недолгой стоянке»; освещенные закатным солнцем, «горят, как корабли».

Реализации ММ, относящиеся к городу и его реалиям, характеризуют Петербург как особое пространство, структурированное по горизонтали и

вертикали. Нижняя граница петербургского мира не представляется строго определенной: болотистая почва осмысливается как нечто бездонное, способное в перспективе поглотить город, как жидкая субстанция, которой могут «захлебнуться» подвальные окна. Верхнюю границу пространства города обозначает небо, предстающее в реализациях ММ как нечто тяжелое (например, провода «провисают под бременем туч»). Символический образ тяжелого неба представлен в тексте песни «Атланты», герои которой держат «на каменных руках» небо, которое «год от года все давит тяжелей».

В качестве своеобразной опоры неба выступают шпили, колонны и иные «представители» вертикального измерения города, оказывающееся в то же время мачтами города-корабля, для которого объекты небесного пространства являются расположенными на значительной высоте средствами передвижения судна: например, шпили «несут паруса облаков». Шпиль, увенчанный фигурой ангела, соединяет, как и купол храма, земное и небесное. В стихотворении «Ангел над городом» венчающая шпиль фигура посланника Бога предстает вечным символом надежды Петербурга: «Вечно парящий над городом ангел-хранитель, С ним навсегда нас связали прозрачные нити, С ним неразрывна нелегкая наша судьба.. И воплотятся надежды в грядущие были, Если крыло его вспыхивает на шпиле...».

Горизонтальное пространство Петербурга представлено подробно, детализировано – с упоминанием и описанием многочисленных реалий города – зачастую с указанием географического положения вплоть до точного адреса, например: «Здесь осталась на Мойке, сто восемь, Разоренная школа моя» или «...до сих пор атланты держат небо За Главным штабом, справа, за углом». Образная характеристика объектов городского пространства содержится в реализациях ряда частных ММ: мост – человек (например, воздевающий к небу ладони), заросший тиной канал – комната, в которой не живут, Дом книги – святое место: «В Доме книги, как у аналая, между полок с книгами стою» и т.д.

А. С. Гальцова, анализируя лингвокультурологический потенциал петербургских топонимов на примере номинаций Васильевского острова, указывает на значимость данного географического (а также культурно-исторического) объекта в отечественной литературе – от Ф. М. Достоевского до А. Битова [1, с. 60]. В списке авторов, так или иначе отразивших эту часть Петербурга в своих произведениях, А. М. Городницкому должно принадлежать почетное место – как поэту, на всем протяжении творчества обращающемуся к данному образу и раскрывшего его в разных аспектах. Васильевский остров, на котором прошли детство и юность поэта, предстает в реализациях нескольких ММ с разными субъектными зонами: «земное пространство», «корабль», «информация». Васильевский остров одновременно и материк, плывущий, подобно кораблю, через «океан времен», и книга: «Я читал, как читают за томом том, Перелистывать не спеши, Этот остров, похожий на материк...».

Пространство Петербурга не предстает статичным, оно мыслится подобием воды – течет, совершает колебательные движения, раскачивая дома-корабли: «...поля Дом, как лодочку, качают»; «Стена, как Ванька-встанька, От двери до угла».

Особому пространству соответствует столь же особое время. Ключевой для поэзии А. М. Городницкого образ времени, отраженный в ММ, предмет отдельного рассмотрения; в рамках же данной работы отметим лишь такие особенности петербургского времени, как связь с водной стихией и взаимодействие с пространством. В произведениях поэта время последовательно сопоставляется с водой в разных ее проявлениях. Петербургское время «неспешно течет, как Нева». Сооружение, предназначенное для защиты города от наводнений, осмысливается в качестве ненадежной преграды для времени: «Угрожает нам соленым напитком Новый век, что не пройдет стороною. Представляется наивной попытка От него отгородиться стеною...Я стою на недостроенной дамбе Между веком уходящим и прошлым».

Одной из иллюстраций соединения пространства и времени является течение рек. В «Старом Питере» А. М. Городницкий детально описывает маршруты водных потоков посредством указания пространственных ориентиров. Мойка течет «Мимо Новой Голландии с кладкой петровской старинной, Мимо окон юсуповской, пахнувшей смертью гостиной, К сумасшедшему дому направив невидимый бег» и т.д.; канал Грибоедова «петляет, ныряя под Банковский мостик и Львиный, Между спусков гранитных, заросших коричневой тиной, Направляясь к слиянию рек»; «А Фонтанка бежит от прозрачного дома Трезини, От решетки сквозной, на которую смотрят разини, Убиенного Павла минуя багровый дворец, Мимо дома Державина, сфинксов египетских мимо» и т.д. Вместе с тем поэт отмечает и временные координаты: воды «протекают неспешно через девятнадцатый век», «трех веков продолжая медлительную пантомиму» и др.: в мире Петербурга «эпохи и реки сплетает тугое течение».

Реализации ряда ММ содержат информацию о Петербурге как произведении изобразительного искусства. Цветовая палитра города создается реализациями следующих ММ: «строение/часть строения – человек», «строение – растение», «часть строения – свет», «вода – вещество», «небо – напиток», «небо – огонь», «свет – металл». Городу присуще цветовое разнообразие: Александровский дворец – «из желтых листьев самый желтый», стены «красны, будто выпили», Васильевский остров видится «в красном дыму», вода рек и каналов – «зеленое стекло», «цветное стекло», день уходит, «пространство заполняя серебром» и др. Субъектной частью нескольких ММ являются обозначения куполов петербургских храмов: «Исаакия желтое солнце», «золоченые соты», «золототканые шапки», «янтари», «золотая скорлупа пасхальных яиц». В последнем примере сопоставление купола со скорлупой несет информацию о хрупкости Божьего дома; отметим, что образ разоренного храма неоднократно появляется в

текстах А.М. Городницкого как символ поруганной красоты и святости. Город и его объекты нередко предстают освещенными утренним, дневным и закатным солнцем. Излучать свет способно даже облачное небо, которое, «Светящее из глубины веков, над нами опрокидывает невод Золототканых низких облаков».

В реализациях ММ отражены и классические цвета Петербурга – белый и черный, сочетания которых вызывают ассоциации с графикой, с гравюрами («Эти черно-белые гравюры Врезаны мне в сердце навсегда»), а также с фото- и киноискусством. Например, «в проявителе ночи бесцветной» проступает образ города-негатива; городская природа предстает «подобьем черно-белого экрана». Сочетание данных цветов особо значимо для поэта: в стихотворении «Этот питерский мир черно-белый...» он представляет завершение жизненных странствий как возвращение в знакомый с детства двуцветный мир; при этом «на душе и светло, и темно», а мир «становится черным и белым, Возвращая к началу пути». Петербург и его реалии выглядят как графическое изображение, представленное контурными линиями, а также как «дворцов и решеток коллажи». Облик города многослоен, «За контуром первого плана Возникает внезапно второй».

При описании Петербурга автор неоднократно использует лексику, обозначающую непрозрачность воздуха; однако упоминания дыма, дымки, мглы не препятствуют созданию впечатления о четкости городских силуэтов. Как отмечает В. А. Кофанова, рельеф города в текстах А. М. Городницкого ассоциируется с «нечетким карандашным наброском» [4, с. 22]. Однако следует указать на неоднократное подчеркивание поэтом признака четкости городских силуэтов, например: «Четких улиц твоих рисунок...»; «Этот контур, знакомый и четкий». Отчетливость проявления городского рельефа зависит, например, от времени его созерцания: как отмечает поэт, «Постигается только под вечер Черно-белая четкость гравюр».

В реализациях ММ «Петербург – произведение изобразительного искусства» город предстает также известным живописным полотном, реально существующим или описанным в литературе. Перечисляя в «Постарел этот город у края гранитной плиты...» приметы увядания родного города (потемневшие скульптуры, ямы на улицах и др.), А. Городницкий завершает текст образной параллелью Петербурга и портрета героя известного произведения О. Уайльда: «Снова станет он юным, как тот знаменитый портрет, Что придумал однажды британский блистательный гомик». В другом случае шедевр живописи упоминается в качестве иллюстрации дисгармонии, увиденной поэтом в измененном облике города: «И не вяжется с тем Петроградом Новостроек убогих кольцо, Как не вяжется с женским нарядом Джиоконды мужское лицо».

Таким образом, реализации ММ Петербурга представляют объемную и разностороннюю характеристику города с непростой, порой трагической судьбой, но с сильным характером и надеждой на будущее, с неповторимым обликом; он представляет собой особый мир, одновременно стабиль-

ный и меняющийся, но в любом состоянии близкий поэту, незаменимый для него и незабываемый.

Память о Питере, память о Питере, память о Питере,
Как наводнение, душу грозит затопить она,
Ставши зимою и в пору недолгую летнюю
Первой любовью, которая будет последнею.

Список литературы

1. Гальцова А. С. Лингвокультурологический потенциал петербургских микро- и макротопонимов. Мир русского слова. № 4. 2008. С. 57–60.
2. Городницкий А. М. Избранное. СПб.: Вита Нова. 2008. 576 с.
3. Городницкий А. М. Новые стихи и песни. М.: Эксмо, Яуза, Якорь. 2017. 416 с.
4. Кофанова В. А. Языковые особенности геопозтики авторской песни: на материале текстов произведений Б. Ш. Окуджавы, А. А. Галича, А. М. Городницкого, Ю. И. Визбора: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2005. 24 с.
5. Павлович Н. В. Словарь поэтических образов: в 2 т. М.: Эдиториал УРСС, 1999. Т. 1. 848 с.
6. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы. Избранные труды. СПб.: Искусство-СПб, 2003. 616 с.
7. Юрина Е. А. Вкусные метафоры. Кокшетау: Келешек-2030, 2013. 238 с.

Н. А. Яковлева

Ритмико-синтаксические особенности романа Саши Соколова «Палисандрия»

Статья посвящена исследованию вопроса формирования ритмической структуры романа Саши Соколова «Палисандрия» посредством использования синтаксических средств речевой изобразительности. Именно уровень синтаксической организации текстов постмодерниста представляет особый интерес из-за обилия индивидуальных, а порой и новаторских, приемов. Новизна заявленной темы обусловлена актуальностью исследуемой категории – ритма прозы, и возобновлением интереса к творчеству одного из основателей русского литературного постмодернизма – Саши Соколова.

Ключевые слова: синтаксические приемы, синтаксис, ритм прозы, Саша Соколов, постмодернизм.

Nadezhda Yakovleva

The Rhythmic-syntactic Features in the Novel by Sasha Sokolov "Palisandria"

The article is devoted to question of formation of the rhythmic structure of the novel by Sasha Sokolov "Palisandria" through the use of syntactic means of speech portrayal. It is connected with the level of syntactic organization of postmodernist texts and abundance of the individual and innovative techniques. The novelty is due to the relevance of the studied categories – the rhythm of the prose, and a renewed interest in the work of one of the founders of Russian literary postmodernism – Sasha Sokolov.

Key words: syntactic techniques, syntax, rhythm of prose, Sasha Sokolov, postmodernism.